

женные достаточнымъ запасомъ практическихъ знаній, выпускаются въ жизнь. Они становятся дѣльными работниками, часто даже болѣе работоспособными, чѣмъ нормальные люди. Они женятся или выходятъ замужъ, и ихъ семьи ничѣмъ не отличаются отъ другихъ семей, подчасъ достигая большаго благосостоянія.

Слабоумные, способности которыхъ настолько поражены, что въ нихъ не удается воспитать силы воли и устойчивости характера, оставляются по окончаніи школы, на всю жизнь въ особые учрежденія или колоніи. Здѣсь, внѣ городской обстановки, они занимаются земледѣліемъ или ремеслами, сами окупая свое существованіе. Находясь въ соотвѣт-

ствующей обстановкѣ и подъ постояннымъ надзоромъ, они не имѣютъ возможности впасть въ преступленіе, нищету или развратъ.

Система школъ, надзора и особыхъ учреждений для слабоумныхъ — несомнѣнно, самый дѣйственный методъ. Онъ существуетъ и внѣ Америки. Особенность же Америки, какъ и въ другихъ областяхъ работы, заключается въ чрезвычайно широкой постановкѣ дѣла, въ сѣти специальныхъ комитетовъ, раскинутыхъ по всей странѣ, которые стремятся не оставить незамѣченнымъ ни одного «случая».

Н. А. Клепининъ.

По поводу двухъ писемъ.*)

Моя замѣтка объ отношеніи христіанства къ социализму въ январскомъ номерѣ «Вѣстника» вызвала два письма въ редакцію. Авторъ перваго изъ нихъ, бар. **А. Штакельбергъ**, выражаетъ смущеніе по поводу того общаго соотношенія между социализмомъ, какъ социально-экономической системой, и христіанствомъ, которое я устанавливаю. Эту мысль мнѣ приходилось развивать на протяженіи многихъ лѣтъ**). Социализмъ, какъ совокупность мѣръ къ защитѣ слабѣйшаго отъ сильнѣйшаго, труда отъ капитала и къ соблюденію справедливости, можетъ быть въ частностяхъ своихъ оспариваемъ по сообра-

*) Настоящая статья представляетъ отвѣтъ на письма, помѣщенные въ «Почтовомъ Ящикѣ».

***) Въ частности см. мои книги: 1) Отъ марксизма къ идеализму. 1903; 2) Два града, 2 тома. 1910; 3) Философія хозяйства. 1912; 4) Свѣтъ Невечерній. 1917; 5) Очерки исторіи экономическихъ ученій, вып. 1. 1916; литографированные курсы по исторіи социальныхъ ученій и т. д.

женіямъ хозяйственной цѣлесообразности, но не по своимъ этическимъ заданіямъ, которыя соотвѣтствуютъ социальной любви. Исторически социализмъ, особенно въ образѣ коммунизма, дѣйствительно, вылился въ богоборчество, родъ воинствующаго атеистическаго ислама. Однако, требуется еще доказать, что эта связь есть внутренне необходимая и это опровергается примѣрами христіанскаго социализма, какъ въ доктринѣ, такъ и въ жизни). Конечно, сатана пріемлетъ видъ ангела свѣта, чтобы обольстить неуживчивыхъ. Такое именно несоотвѣтствіе внутренняго и внѣшняго и составляетъ коренной порокъ современнаго социального движенія и бѣдствіе современнаго человечества. Но ничѣмъ не доказано, чтобы такое несоотвѣтствіе вытекало изъ природы вещей. Моя мысль обращена была въ упомянутой замѣткѣ однако не къ социалистамъ, которые насъ сейчасъ все равно не услышатъ, но къ церковному обществу, которое необходимо должно вмѣ-

стить сознание важности и социального служения Церкви, и социальной проповеди христианства. Последняя и раздавалась прежде (напр., в святоотеческую эпоху), а по существу никогда не оскудывала в Церкви. Однако, церковная жизнь извне сплошь и рядом страдает безразличием или примиренчеством, Церковь призвана бороться с ненавистью и злобой, личной и классовой, но она может это делать лишь при условии нелицеприятного свидетельства справедливости, — разумется, насколько оно совместимо со всей христианской проповедью воцѣломъ. До тѣхъ поръ, пока еще не были открыты глаза на социальный вопросъ, можно было по невѣдѣнію и наивности укрываться въ естественный и до известной степени законный консерватизмъ. Но когда глаза открываются, долгомъ Церкви становится будить совѣсть и звать народъ къ социальной правдѣ. Бороться съ безбожнымъ социализмомъ слѣдуетъ не анаематствованіемъ, вмѣстѣ съ его неправдой, и его правды, не отверженіемъ тѣхъ цѣлей, которыми прикрывается въ немъ челвѣконенавистничество и безбожіе, но раскрытіемъ полноты истины. Идеиная борьба не можетъ оставаться только отрицательной, но должна являться и положительной. Социализмъ (въ томъ широкомъ и общемъ смыслѣ, въ какомъ я употреблялъ это выраженіе), какъ социальная реформа въ духѣ справедливости, входитъ въ кругъ церковнаго попеченія. Наше прошлое грѣшило небреженіемъ и равнодушіемъ къ этой области жизни и нерѣдко шло по линіи наименьшаго сопротивленія (подобно теперешней «живой церкви») и приспособленія. Иногда при этомъ заслонялись отъ суровой дѣйствительности славянофильствующими формулами, вродѣ приводимыхъ здѣсь словъ Достоевскаго, и за это жестоко теперь наказываемся. Если мы станемъ думать о Россіи и о русскомъ будущемъ, то

ясно, что тамъ Церковь силою вещей стала передъ социальнымъ вопросомъ, отъ него уже не отойдетъ и не станетъ обороняться анаемой.

Я полагаю вообще, что возраженіе бар. Штакельберга основано, главнымъ образомъ на недоразумѣніи: онъ утверждаетъ, то, чего я не отрицалъ и изъ чего даже исходилъ, и, надѣюсь, онъ не разойдется со мною и въ признаніи социальной отвѣтственности Церкви. Потому здѣсь разногласіе больше терминологическое, вызванное прежде всего тѣмъ, что я, желая обострить вопросъ въ церковномъ сознаніи, намѣренно употреблялъ непривычныя и быть можетъ жесткія выраженія.

Г. Хилковъ возражаетъ съ противоположной точки зрѣнія, чѣмъ бар. Штакельбергъ. Онъ находитъ въ моихъ словахъ слишкомъ много уступокъ и оговорокъ. Я не буду касаться общаго тона этого письма, также какъ и его обличительныхъ частностей. Основная мысль г. Хилкова, въ общемъ сближающая его съ толстовствомъ, состоитъ въ прямолинейномъ пониманіи ученія Нагорной проповѣди вне связи со всѣмъ христианствомъ, — такъ, какъ будто ею исчерпывалось Евангеліе, Новый Заветъ, вообще все ученіе Христа, проповѣданное Имъ самимъ и чрезъ Его апостоловъ. Отсюда получается чрезвычайно упрощенный радикализмъ, который сводится къ практической нѣтовщинѣ, — къ благочестивому нигилизму, для котораго вся исторія Церкви есть сплошное противорѣчіе ученію Христа, изложенному въ Нагорной проповѣди. Вся мысль, заключенная въ многословныхъ и гнѣвливыхъ сужденіяхъ автора, сводится или къ сплошнымъ обвиненіямъ историческаго христианства въ нехристианствѣ, или къ отвлеченнымъ требованіямъ личнаго поведенія изолированныхъ личностей, Ивановъ, Петровъ, Леонидовъ, взятыхъ внѣ «государства», «церкви», общества, исторіи. Конечно, челоѣкъ есть прежде

всего личность, имѣющая свою совѣсть и свою личную отвѣтственность, но каждый же человѣкъ есть и часть человѣческаго рода, живетъ въ исторіи, входитъ въ ея сверхличную ткань и постольку принадлежитъ и «церкви», «государству», нации, обществу и т. д. И, прежде всего, все это въ своемъ лицѣ явилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, который, согласно Евангелію же, принадлежалъ къ своему народу, былъ «сыномъ Давидовымъ», членомъ іудейской церкви, законъ которой Онъ пришелъ не нарушить, но исполнить, возводя его къ высшему смыслу, подчинялся государственной власти (слова Его Пилату: «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было тебѣ дано свыше». (Іо. XIX-11). Это же приходится сказать и объ апостолахъ, прежде всего объ ап. Павлѣ, который, провозгласивъ богоустановленность власти, т. е. государства, самъ не отрицался званія римскаго гражданина, призывалъ всѣхъ, какъ господъ, такъ и рабовъ, оставаться въ томъ же званіи, вообще и словомъ и дѣломъ являлъ, при требовательнѣйшей христіанской совѣсти, и историческій разумъ, не примѣняя абсолютныхъ отвлеченностей въ области относительно безъ соотвѣтственнаго опосредствования ихъ. Апостолы путешествовали по римскимъ дорогамъ, пользовались охраной римскаго права, прибѣгали къ денежнымъ сборамъ, — словомъ, будучи, несомнѣнно, «Петромъ», «Павломъ» и т. д., были и сынами своей исторической эпохи, съ ея возможностями и границами. Конечно, это же самое въ дѣйствительности имѣло силу и для Толстого, какъ и для самого г. Хилкова, поскольку и онъ, хотя бы только въ данномъ случаѣ, посылаетъ по государственной почтѣ это свое письмо, писанное на капиталистически

изготовленной машинкѣ, для публикаціи въ журналѣ въ современныхъ, техническихъ и социальныхъ условіяхъ типографскаго дѣла и т. д. Эти примѣры мы приводимъ лишь для того, чтобы показать всю безотвѣтственность утопизма тѣхъ абстрактныхъ требованій, которыя не могутъ быть выполняемы даже не въслѣдствіе отсутствія доброй воли, но по ихъ отвлеченной внѣжизненности. Заповѣди Христовы суть «духъ и жизнь» (Іо. 6. 63), а не внѣшній законъ и правило, въ каковыя ихъ превращаютъ хранители буквы нагорной проповѣди. И поэтому единственный практическій итогъ такой постановки вопроса есть общее осужденіе и сплошное отрицаніе, вмѣсто участія въ общей работѣ ума и совѣсти, въ чемъ мы нуждаемся, — въ частности, въ области социального христіанства.

Единственное, что требуетъ прямого отвѣта г. Хилкову, это мысль о томъ, что социализмъ явилъ себя, какъ воинствующее безбожіе лишь потому, что «въ своей борьбѣ съ социальными несправедливостями, неизмѣнно наталкивался на церковь». Это — неправда. Каковы бы ни были социальные грѣхи историческаго христіанства и ихъ соблазнительное рліяніе, но не они породили то лютое богоборство, которое раскрывается предъ нашими глазами. Послѣднее имѣетъ свой собственный глубокой духовный источникъ въ діалектикѣ человѣческаго духа и въ борьбѣ съ Христомъ силъ антихристіанства. Превращать эту глубочайшую трагедію современнаго человѣчества въ социальное недоразумѣніе или же, дѣйствительно, въ «надстройку» надъ «экономическимъ базисомъ» значить ея не видѣть и не чувствовать.

Прот. С. Булгаковъ.